

Слова Ян Бочжуна были прозрачны как стекло. Разве что прямо не спросил: «Вы, господин Шэнь, посмели среди бела дня напасть на императора варваров прямо в тронном зале. Любого другого на вашем месте уже четвертовали бы, так почему вы до сих пор живы-здоровы?»

Шэнь Чжиюй повернул голову и спокойно встретил испытующий взгляд Ян Бочжуна.

—...

Этот Ян Бочжун отличался патологической подозрительностью. Из тех людей, кто предпочтёт вырезать тысячу невинных, нежели упустить одного виновного. Малейшая зацепка разрасталась в его воображении до немыслимых масштабов. И сейчас он, как и прежде, искал подвох, твёрдо убеждённый, что канцлера Шэнь и Юань Чэ связывает некая грязная, тщательно скрываемая тайна.

Впрочем, его сомнения имели под собой почву: не будь между канцлером и императором варваров тайного уговора, четыре великих семейства давно бы стёрли в порошок. Разве дожили бы они до сегодняшнего дня?

Стоило прозвучать этому вопросу, как все три главы кланов разом уставились на Шэнь Чжиюя. В тишине комнаты развернулось незримое, но яростное противостояние.

Затянувшееся молчание лишь подливало масла в огонь подозрений. Ван Чжан, не выдержав, поспешил надавить:

— И то верно! Мне доводилось краем глаза видеть, как этот степной пёс расправляется с неугодными. Рука у него ни разу не дрогнула. А вы, господин канцлер...

— Довольно!

Резкий окрик вспорол натянутую тишину. Шэнь Чжиюй горько, едва заметно усмехнулся. Упавшая на лоб чёлка скрывала его глаза, но в каждом движении, в самой его опущенной линии плеч сквозили такая глубокая скорбь и унижение, будто он только что заново пережил худший кошмар в своей жизни.

Ван Чжан растерянно моргнул, сбитый с толку этой внезапной переменой.

— Господин канцлер, у вас есть некие скрытые... трудности, о которых тяжело говорить? — подал голос Юй Инцянь, до этого хранивший молчание. Он почтительно сложил руки перед грудью. — Если позволите, ваш покорный слуга готов разделить эти тяготы.

До чего же нелепо. Тень-Четырнадцать в точности описал Шэнь Чжиюю расстановку сил: Четыре великих семейства удерживали малолетнего принца Ли Хая в заложниках, шантажом заставляя канцлера ввязаться в смертельную схватку с Юань Чэ. И при этом они разыгрывали перед ним трогательную заботу! словно не они долгие годы были заклятыми врагами у трона, а старые друзья по академии.

Извечная болезнь благородных семейств: сначала ударить побольнее, а потом сунуть сладкий пряник.

«Что ж, хотите поиграть в театр? Сыграем».

Шэнь Чжиюй не проронил ни слова. Он медленно поднял руку, заставив троих заговорщиков податься вперёд от любопытства, и неторопливо потянул вверх широкий шёлковый рукав. Под нежнейшей тканью скрывались его предплечья — от природы бледные, почти прозрачные.

Кожа была сплошь покрыта жуткими багровыми синяками, глубокими ссадинами и царапинами. Но эти следы явно не имели отношения ни к пыточным орудиям, ни к лезвиям клинков.

Страшные отметины тянулись от самых запястий до локтей, уходя выше, под ворох плотных одежд.

Шэнь Чжиюй был бледен, как чистейший нефрит, и на этом фоне тёмно-фиолетовые кровоподтёки выглядели особенно пугающе. Настоящее уродство на изящном теле.

— На теле то же самое, — безразличным, бесцветным тоном произнёс Шэнь Чжиюй. — Желаете взглянуть?

Все трое торопливо замахали руками, отказываясь. Канцлер понимающе кивнул, резко опустил рукава и обхватил себя руками за плечи. Его пальцы судорожно вцепились в ткань, отчего костяшки побелели. Под слоями шёлка он казался пугающе истощённым, почти прозрачным.

Как бы сильно Ян Бочжун ни презирал Шэнь Чжиюя, отрицать очевидное он не мог: канцлер был дьявольски хорош собой. И дело заключалось не в смазливом лице — красивых пустышек при дворе хватало, а уж в домах вековой аристократии ими пресытились по горло.

В Шэнь Чжиюе жила редкая, непостижимая порода. Особенное очарование, неподвластное подражанию. Он всегда держался на зыбкой грани: стоило подумать, что ты подобрался к нему вплотную, как выяснялось, что между вами непреодолимая пропасть. Но стоило счесть его недостижимым божеством, как он с лёгкостью отбрасывал всякую спесь, ласково склонялся к собеседнику, согревая его мягким, обволакивающим вниманием. Это завораживало и пугало одновременно. Хотелось во что бы то ни стало заслужить хотя бы мимолётный взмах его ресниц, его одобрение.

Сладкий, вкрадчивый яд. Настоящий колдовской гу.

Правители Великой Чу испокон веков не брезговали мужской лаской, а уж историй о страсти «обрезанного рукава» в хрониках было прудом пруди. Для искушённых вельмож здесь не крылось никакой тайны. Юань Чэ — молодой дикарь в самом расцвете сил, чей походный шатёр не ломился от наложниц. Увидев перед собой такого утончённого, блестящего умом и редкой красотой юного канцлера, разве мог он остаться равнодушным?

Было бы верхом наивности полагать, что варвар не захочет забрать себе такое сокровище.

— Эти дикари... силищи немерено, а уж изощрённости им не занимать. Я потом несколько дней в себя прийти не мог, — видя, куда потекли их мысли, Шэнь Чжияй подбросил дров в костёр. Он бросил взгляд на свои руки — эти ссадины он получил, когда летел кубарем на камни у рва, — и холодно усмехнулся. Сделав глоток остывшего чая, он добавил с тихой горечью: — Хм... Лучше бы он меня просто прирезал.

— Вы перенесли ужасные муки, господин канцлер. Наша вина, что мы не смогли вырвать вас из этого ада раньше, — фальшиво вздохнул Ян Бочжун.

— Оставьте это. Что сделано, то сделано, — Шэнь Чжияй отмахнулся. Следовало вовремя остановиться, иначе ложь покажется нарочитой. Он прижал ладонь к груди и глухо закашлялся. — Так что... кхм... каков ваш план?

Едва тёплая влага скользнула по горлу, но не принесла облегчения — лишь оцарапала воспалённые связки. Справившись с приступом, он продолжил:

— Степной пёс хитёр и силен. Вы и сами прекрасно понимаете, с кем имеете дело. Так как вы собираетесь его уничтожить?

Вопрос прозвучал в лоб, без увёрток.

Игривость и напускное сочувствие мигом улетучились. В комнате вновь воцарилась деловая, ледяная атмосфера заговора.

Заговорщики переглянулись. Никто не спешил раскрывать карты.

Наконец Ян Бочжун, бывший бесспорным вожаком этой стаи, впери в Шэнь Чжияя долгий, препарирующий взгляд. Словно взвешивал все «за» и «против» на невидимых весах.

— Господин канцлер... вы точно приняли окончательное решение?

— Ян Бочжун, — Шэнь Чжияй даже бровью не повёл. — Оставь эти сомнения трусливым

девицам. Раз уж мы зашли так далеко, глупо пятиться назад. На кону слишком большие ставки, чтобы мелочиться.

Они сидели друг напротив друга в полумраке кабинета. Окружённый верной стражей, зная, что всё поместье перекрыто его людьми, Ян Бочжун окинул взглядом измождённую, бледную фигуру Шэнь Чжиюя. Такой доходяга точно не представлял угрозы. Лицо старого заговорщика расплылось в довольной, зловещей улыбке.

— Что ж... Прошу за мной, господин канцлер.

Они вышли во внутренний двор. В стороне от парадной дорожки, укрытая густыми зарослями, вилась узкая тропа, выложенная серым плитняком.

Странно было то, что земля здесь казалась неестественно раскисшей, почти болотной. А вместо декоративных кустов вдоль тропы тянулись длинные, полутораметровые гряды со срезанными лекарственными травами. Их резкий, удушливый запах висел в сыром воздухе.

«Полынь, корневища атрактилодеса, дудник...» — намётанный глаз канцлера безошибочно выхватывал знакомые очертания стеблей и листьев.

Внутренний голос настойчиво забил тревогу. Шэнь Чжиюй сощурился, сиюсь сопоставить эти детали, когда из тени бесшумно выплыла служанка и с глубоким поклоном протянула ему чистый шёлковый платок.

— Наденьте, господин канцлер, — подал пример Ян Бочжун, уже повязывавший плотный лоскут ткани поверх лица. — То, что вы сейчас увидите, пахнет не лучшим образом.

Преодолев ещё несколько крутых поворотов заросшей тропы, они упёрлись в глухую деревянную пристройку. Окон в ней не было вовсе, а тяжёлую дубовую дверь стерегла плотная цепь личных гвардейцев клана Ян — три кольца вооружённых до зубов людей.

Не доходя шагов семи до порога, Ян Бочжун резко замер и выставил локоть, преграждая дорогу Шэнь Чжиюю.

— Стойте здесь. Ради вашей же безопасности ближе подходить не стоит. — Он сделал знак командиру караула.

Стражник коротко кивнул. Он подхватил щипцами тлеющий пук сухой полыни, бросил его прямо под порог, чтобы едкий дым повалил внутрь, а затем кончиком длинного меча осторожно поддел тяжёлую задвижку.

Раздался сухой, металлический щелчок.

В следующую секунду сердце Шэнь Чжия пропустило удар, а зрачки сузились до размеров игольного ушка.

— Пощадите! Спасите меня!

— Господин, умоляю, сжальтесь!

— Я здоров! Клянусь, я не болен! Позовите лекаря, это просто... просто лихорадка! А-а-а!

По ушам полоснул резкий, свистящий звук рассекаемой стали.

От этого холодного, безжалостного звука по спине пробежала ледяная дрожь. Сверкнуло лезвие клинка, фонтаном брызнула тёмная кровь. Кто бы мог подумать, что под золочёным фасадом благополучной столицы скрывается столь жуткое чистилище? Несчастных рабов, пытавшихся выползти наружу сквозь щель приоткрытой двери, безжалостно резали прямо как скот. Обмотав руки грубой мешковиной, стражники лениво подтаскивали дёргающиеся тела к ревущему поодаль костру и сбрасывали их в пламя.

Языки огня с жадностью вгрызались в человеческую плоть. Воздух мгновенно пропитался тошнотворным запахом палёных волос и горящего мяса. Спустя считанные минуты от тел оставались лишь кучки серого пепла да обугленные, скрюченные кости.

Те из узников, кто ещё уцелел, в ужасе забились в самый дальний угол душного барака. Они прижимались спинами к деревянным доскам, содрогаясь от каждого шороха и не сводя ошалелых глаз с эфесов стражников. Отрепья, заменявшие им одежду, едва прикрывали наготу. На исхудавших руках, шеях и лицах проступали огромные, багрово-красные пятна жуткой сыпи. Даже сквозь плотную ткань повязки до Шэнь Чжия доносилась тяжёлая, удушливая вонь гниющих заживо тел.

Это была она. Та самая моровая язва, которой суждено было разразиться лишь через три года...

В прошлой жизни Великая Чу, измотанная многолетним противостоянием канцлера и императора, пала жертвой великого мора на третий год правления Юань Чэ. Болезнь вспыхнула внезапно, словно ниоткуда, и унесла жизни почти половины населения страны. Эпидемия бушевала целый год, расползаясь от столицы к самым далёким вассальным землям.

Сперва поражённый язвой человек чувствовал непреодолимую слабость. Тело его леденело, и сколько бы тёплых одеял на него ни набрасывали, он не мог согреться.

Спустя десять дней яд добирался до разума и плоти: несчастные начинали истекать кровью из

глаз, ушей и рта. Кожу усыпали сочащиеся волдыри. Зуд был столь нестерпимым, что больные раздирали себя ногтями до костей, срывая лоскуты гниющей плоти. Из ран хлестала сукровица вперемешку с мутным гноем, источая невыносимый смрад.

Но даже это не было пределом ужаса.

В свой последний час обречённые внезапно обретали невероятную, поистине безумную силу, точно одержимые злыми духами. В слепом неистовстве они бросались на каждого, кто оказывался рядом, кусали и рвали зубами. Любой, кто получал хотя бы малейшую царапину или укус, был обречён: если в течение трёх часов ему не давали противоядие, несчастный превращался в такого же свирепого зверя.

Позже этих безумцев, потерявших всякий человеческий облик, нарекли «кровавыми мертвецами».

Глядя на этих измученных рабов — будущих кровожадных тварей, — Шэнь Чжиюй ощутил, как из глубин памяти поднимается удушливая волна бывшего кошмара. В его глазах снова замелькали видения из прошлой жизни: бескрайнее море разлагающихся трупов, вонючий дождь, льющийся с багрового неба, липкая, гнилая плоть, облепившая его тело... Желудок скрутило спазмом, к горлу подступила жгучая желчь. Обезумев от нахлынувших воспоминаний, он с силой оттолкнул стоявшего рядом Ян Бочжуна, рванулся к дереву и, тяжело опершись о ствол, разразился мучительным кашлем, выплеснув на сырую землю струю тёмной крови.

<http://bllate.org/book/20512/2215081>